

Дейнерис смотрела на него своими пронзительными лавандовыми глазами, которые всегда заставляли Джона думать о родном отце, которого он никогда не знал, и обо всем, что он сделал, хорошего и плохого, и Джон не мог не съежиться. "Ты устроишь турнир?" Спросила она. "Ты, который даже не верит в турниры, который скорее будет страдать от постельных вшей, чем участвовать в них?"

Джон пожал плечами, и ему действительно стало не по себе. Он был благодарен, что женщины в его жизни были готовы противостоять ему. Политическое понимание Маргери намного превосходило его собственное, Дейнерис знала о Таргариенах больше, чем когда-либо знал Джон. А Леди Оленна ... ну, она и есть Леди Оленна. И все же иногда ему приходилось обращаться к кому-то кроме них. "Я не хотел этого делать", - сказал он. "Но когда Король предлагает спонсировать небольшой турнир в честь первых именин твоего сына, ты не можешь отказать ему".

"Кроме того", - добавила Маргери, положив руку на свой все еще плоский живот, где только Джон знал, не считая Мейстера Крессена, что растет их второй ребенок. "Это такая же хорошая возможность оценить наши активы, как и любая другая. Любой Лорд, который имеет хоть малейшее представление о том, кто такой Джон и кто хочет поддержать его притязания, будет здесь, и у нас будет возможность встретиться с каждым из них лично".

Дейнерис закатила глаза. "Ты просто хочешь, чтобы твой брат выиграл и вручил тебе титул королевы любви и красоты", - сказала она.

Маргери улыбнулась своей кривой улыбкой, за которую, как утверждал Джон, был ответствен их второй ребенок, зачатый за несколько лун до того, как Мейстер Крессен почувствовал, что это безопасно. Джон действительно чувствовал себя виноватым. Было бы еще хуже, если бы Маргери, разделяла хотя бы часть его опасений. С другой стороны, ее мать не умерла при родах, а родила четырех здоровых младенцев и дожила до совершеннолетия. Джон полагал, что у него нет иного выбора, кроме как довериться этим цифрам. "Именно так", - подтвердила Маргери. "Мой Лорд-муж никогда не поднимет копье вне боя, и он предпочел бы рукопашную схватку, даже если бы ценил турниры. Если мне придется рассчитывать только на своего брата, я так и сделаю". Она одарила Джона дерзкой улыбкой. "Конечно, есть еще риск, что Лорас коронует Джона раньше меня".

Джон закатил глаза, но не смог сдержать румянца, залившего его лицо. Каким бы лестным ни было отношение и преданность Лораса, они были также друзьями, и он был его шурином. Это было все, что им предстояло разделить, и хотя Джон и Лорас уже давно уладили этот вопрос, Маргери все еще считала его достаточно интересным, чтобы постоянно поднимать эту тему. Джон подумал, что это жестоко, но и на этот раз не обратил внимания, так как знал, что Маргери действительно любит Лораса больше жизни. Просто у нее был странный подход к этому делу. "Я буду выглядеть нелепо в венке из роз", - сказал он с легким раздражением.

Маргери улыбнулась. "Ты был бы похож на видение", - сказала она. "Так же, как и твоя Леди-мать, я уверена. Однако я не уверена, что королевство снова готово к такому потрясению. Так что будем надеяться, что Лорас сохранит здравый смысл".

Неодобрительный взгляд Дени прорезал все легкомыслие, которое Джон и Маргери поддерживали между собой на протяжении всего разговора. "Это опасно", - сказала она. "Я могу спрятаться здесь", - продолжила она. "Дункан не может, в конце концов, это его именины. А у нас на острове четыре дракона. Все они крупнее лошадей. Можем ли мы действительно держать их вне поля зрения в течение полных двух недель или больше?"

Джон глубоко вздохнул, внезапно почувствовав гораздо большую тревогу, чем ему хотелось бы. "Мы должны", - сказал он. "И ты должна это сделать. Я не могу. Люди будут постоянно следить за мной. Никто не знает, что ты здесь, тетя, но драконы слушают тебя. Ты должна держать их взаперти в катакомбах или взять еще глубже, иначе все будет кончено. Мы не готовы к войне, особенно если Роберт Баратеон и все его сторонники решат появиться здесь одновременно". Он остановился, сглотнул, и внезапно этот турнир, который ему навязывали, показался ему чем-то гораздо большим, чем он мог себе позволить. "Они прислушиваются к моим приказам, если я думаю достаточно серьезно. Все, что тебе нужно сделать, это отдавать их с нажимом. Ты можешь это сделать?"

Дейнерис смотрела на него несколько долгих мгновений. Затем она наклонила голову. "Даже если мне придется усадить их и попытаться объяснить им на высоком валирийском, что произойдет, если мы раскроемся, я сделаю это", - сказала она. Несмотря на то, что ее слова рисовали юмористическую картину, Джон знал, что нужно воспринимать их всерьез, поэтому он глубоко кивнул ей, показав свое доверие. Затем он взял Маргери за локоть и вывел ее из комнаты.

"Как ты?" Спросил он, заставляя свой собственный голос оставаться спокойным, свободным от всех тревог, которые охватывали его всякий раз, когда он был достаточно беспечен, чтобы позволить им овладеть собой.

"Я устала", - сказала она. "У меня болят ноги и грудь, и все, что я пытаюсь съесть, вызывает у меня тошноту. Это ничуть не хуже, чем было с Дунканом, и я почти на два именинных дня старше, чем была, когда мы его сделали. Здесь не о чем беспокоиться".

Джон открыл рот. Закрыв его снова. Судорожно сглотнул. Затем он кивнул: "Если ты уверена", - сказал он.

Она внезапно повернулась к нему, подняв руку, чтобы прикрыть его щеку. Ее большой палец погладил нижнюю сторону его подбородка. "Ты слишком много беспокоишься", - выдохнула она. "Разве я не родила тебе здорового сына в том возрасте, когда большинство женщин еще не вышли замуж? Разве я не избежала родовой горячки и осложнений в четыре и десять именин? Теперь я старше, Джон Старк. Я стала сильнее. Не смей теперь сомневаться во мне".

Джон сглотнул, кивнул и привлек ее к себе. Он рассеянно отметил, что за те два с половиной года, что они были женаты, он стал выше ростом. Он никогда не станет высоким, сейчас она доходила ему только до лба, но он стал шире, чем тогда, и теперь она прекрасно помещалась в его объятиях. Она больше не чувствовала, что может вырваться, если только попытается. Она больше не заставляла его чувствовать себя маленьким мальчишкой. Вот так, держа ее в своих объятиях, он чувствовал себя мужчиной, как даже не чувствовал с своим сыном в руках. "Я не сомневаюсь в тебе", - пробормотал он. "Я сомневаюсь в себе. Я сомневаюсь, что буду делать, если ты не выживешь на этот раз. Я и сам сомневаюсь, что выживу".

Ее рука крепче сжала его лицо, и она притянула его к себе для короткого, крепкого поцелуя. В конце концов, она прекрасно понимала, что не стоит сразу отбрасывать его страхи; она знала, откуда они берутся. "Ты действительно думаешь, что я оставлю тебя и детей одних, когда нам еще так много предстоит сделать?" Спросила она. Она наклонилась и снова поцеловала его в уголок рта. "Джон, тебе нужно избавиться от этой нелепой веры в то, что ты убил свою мать. Ты этого не делал. Как мать, я могу сказать тебе, что даже если бы роды были единственной причиной смерти Лианны Старк, она никогда в жизни не стала бы винить тебя. Если бы это случилось со мной или с Дунканом, я бы каждый раз отдавала свою жизнь за него. Но даже так, это не было тем, что случилось с Лианной Старк". Она замолчала на мгновение, подняв

другую руку, пока ее ладони не обхватили его лицо, прижавшись лбом к ее лбу. "Она сдалась. Мне очень жаль, Джон, но именно это и произошло. Твоя мать сдалась. Я не виню ее за это. Она не знала, как пережить потерю отца, брата, мужа и всей его семьи. Она не знала, как справиться с последствиями сделанного ею выбора, как справиться с реальностью правления Короля Роберта и что это будет значить для нее, не говоря уже о тебе. И поэтому она не пережила того, что могла бы пережить другая женщина. Тот факт, что ты выжил, сам по себе является чудом. Ты пришел на несколько недель раньше, ты был маленьким и родился с невысказанным приказом об убийстве на голове. И все же ты выжил. Лианна, возможно, даже не хотела этого. Это была бы идеальная трагическая песня, чтобы сопровождать смерть ее Серебряного Принца, не так ли? Ее смерть вместе с сыном, которого она родила ему, последним наследником династии? Молодой девушки, которая знает только песни..." Она остановилась и прижалась лбом к его лбу так сильно, что на мгновение ему стало больно. "Я понимаю ее, понимаешь? Но я никогда не смогу быть ею. Это не я. Пока живы мои дети, пока жив ты и мои братья. Пока мир еще движется, я не сдамся. В этом я тебе клянусь".

Джон невольно улыбнулся. Он не был уверен, как именно она вычислила то, что его беспокоило. Он не стал тратить время на удивление. Вот кем она была для него почти все время, пока они делали эту, странно успешную, попытку равноправного партнерства. Маргери по-прежнему оставалась для Джона загадкой во многих отношениях, но он, похоже, был для нее открытой книгой. "Спасибо", - сказал он ей.

Она одарила его кривой усмешкой и снова поцеловала в уголок рта. "Я уродилась Тирелл", - сказала она. "Я буду расти сильной, даже с твоим семенем внутри меня". Озорная улыбка тронула ее лицо, заставив Джона улыбнуться в ответ. "Я никогда не перестану становиться сильной, как бы меня ни звали. Я обещаю".

Джон прижал свой поцелуй к ее губам. "Я люблю тебя", - сказал он наконец. "Ты ведь это знаешь, не так ли?"

Ее улыбка только расширилась, становясь все более кривой и несовершенной, и от этого еще более милой. "Конечно", - сказала она. "Тебе не нужно участвовать в турнире, чтобы показать свою ценность. Я уже знаю, каким воином ты будешь. Тебе не нужно поклоняться Семерым; я могу сделать это за нас обоих. Просто продолжай быть хорошим сеньором и хорошим мужем, и я сделаю все, что в моих силах". Не было никаких сомнений относительно уровня внушения в подмигивания, которое она ему бросила, и Джон рассмеялся. Ну что ж, по крайней мере на этот раз он не сможет сделать ей ребенка вопреки рекомендациям Мейстера Крессена.

Я надеюсь вам нравится книга и перевод в моем исполнении и прошу вас оценить его. Это значительно поможет переводу.